

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-42-57

Р. Десаи

Университет Манитобы (Виннипег, Канада)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И НООНОМИКА ПРОТИВ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: показаны теоретический потенциал и практическая востребованность концепций ноономики (С.Д. Бодрунов) и геополитической экономики (Р. Десаи), выступающие по отношению друг к другу не просто родственными феноменами, имеющими общие точки пересечения с методологией классической научной политической экономии (К. Маркс), а также современных марксистских течений и ряда других, альтернативных рыночной неоклассической экономике, направлений экономической мысли – концепция национальных инновационных систем (К. Фриман), концепция ментальной экономики и ментальных продуктов на основе творчества (А. Фриман), но и научно обоснованными платформами, способными предложить принципиально новую (некапиталистическую по содержанию и форме) модель организации общественно-хозяйственной жизни. Последнее особенно актуально в свете того, что неоклассическая экономическая теория в силу ряда объективных причин (финансиализация, деиндустриализация, социально-экономическое неравенство, стагнация, экономические кризисы и пр.) сегодня не в состоянии адекватно отвечать требованиям времени. Автор выделяет четыре основных этапа метаморфоз рыночной экономики, которая в последнее время продолжает трансформационное движение по цепочке «неолиберализм – глобализация – империя США – псевдогражданский неолиберализм». Категорию «псевдогражданский неолиберализм» автор вводит в научный оборот для объяснения характера изменения контекста неолиберализма в текущей международной повестке. Делается предупреждение, что все, кто думал, что уже были очевидцами вершины лицемерия неолиберализма, станут свидетелями market esopому покорения им новых высот.

Ключевые слова: классическая политическая экономия, ноономика, геополитическая экономия, материальное производство, противоречия неоклассической экономики, кризис рынка и капитала, метаморфозы неолиберализма, псевдогражданский неолиберализм.

Для цитирования: Десаи Р. (2024). Геополитическая экономия и ноономика против рыночной экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 3. С. 42–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-42-57

Radhika Desai

University of Manitoba (Winnipeg, Canada)

GEOPOLITICAL ECONOMY AND NOONOMY AGAINST MARKETIST ECONOMICS

Abstract: The author elaborates on the theoretical potential and practical relevance of the concepts of noonomy (S.D. Bodrunov) and geopolitical economy (R. Desai), which can be considered not only as related phenomena, having common points of intersection with the methodology of classical scientific political economy (K. Marx), as well as modern Marxist trends and a number of other directions of economic thought alternative to the market neoclassical economy, the concept of national innovation systems (K. Freeman), the concept of mental economy and mental products based on creativity (A. Freeman), but also scientifically substantiated platforms capable of offering a fundamentally new (non-capitalist in content and form) model of organization of social and economic life. The latter is especially relevant in light of the fact that neoclassical economic theory, due to a number of objective reasons (financialization, deindustrialization, socio-economic inequality, stagnation, economic crises, etc.) is unable to adequately meet the requirements of the time at present. The author identifies four main stages of the metamorphoses of the market economy, which has recently continued its transformational movement following the order of “neoliberalism - globalization - US empire - pseudo-civil neoliberalism”. The author introduces the category “pseudo-civil neoliberalism” into scientific circulation to explain the nature of the change in the context of neoliberalism in the current international agenda. A warning is made that all those who thought they had already witnessed the pinnacle of hypocrisy of neoliberalism will witness its conquest of new heights.

Keywords: classical political economy, noonomy, geopolitical economy, material production, contradictions of neoclassical economy, crisis of market and capital, metamorphoses of neoliberalism, pseudo-civic neoliberalism.

For citation: Desai R. (2024). Geopolitical Economy and Noonomy Against Marketist Economics. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 3, pp. 42–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-42-57

德赛Р.

曼尼托巴大学(加拿大, 温尼伯格)

地缘政治经济学和智慧经济学与市场经济学

摘要: 本文揭示了智慧经济学(博德鲁诺夫 S. D.) 和地缘政治经济学(德赛 R.) 这两种思想的理论潜力和实践需求, 它们不仅仅是相互关联的一种现象, 这种现象与古典科学政治经济学(马克思 K.)、现代马克思主义思潮以及其他一些取代新古典市场经济学思潮【如国家创新制度思想(弗里曼 K.)、以创造力为基础的精神经济和精神产品思想(弗里曼 R.)】的方法论有着共同的交汇点, 同时这两个理论也是有科学基础的平台, 这个平台能够提出一种全新的(在内容和形式上都是非资本主义的) 社会和经济

生活组织模式。这个平台尤其具有现实意义,因为新古典经济学理论由于一些客观原因(金融化、去工业化、社会经济不平等、停滞、经济危机等),如今已无法充分满足时代的要求。作者指出了市场经济蜕变的四个主要阶段,近期,市场经济沿着“新自由主义-全球化-美国帝国-伪民间新自由主义”的链条继续转型运动。作者引入了“伪民间新自由主义”这一范畴,以解释新自由主义在当前国际形势下其背景不断变化的实质。作者警告说,所有那些自以为已经目睹了新自由主义虚伪巅峰的人,都将目睹 market economy 征服新的高度。

关键词: 古典政治经济学、智慧经济学、地缘政治经济学、物质生产、新古典经济学的矛盾、市场和资本危机、新自由主义的蜕变、伪民间新自由主义。

引用注释: 德赛P. (2024) 地缘政治经济学和智慧经济学与市场经济学//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 3, pp. 42–57. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-42-57

Геополитическую экономию и ноономику можно назвать родственными дисциплинами, внимание которых акцентировано, соответственно, на международных и внутренних факторах, определяющих развитие производительных сил, а также на центральной роли государства [Desai, 2022].

Ноономика изучает развитие производительных сил, то, как государства и предприятия могут использовать возможности для ускорения этого развития; как государства должны создавать социальные структуры, которые наилучшим образом будут способствовать этому процессу [Bodrunov, 2023].

Геополитическая экономия показывает, что развитие производительных сил в мировом масштабе было обусловлено динамикой капиталистических международных отношений, диалектикой неравномерного и комбинированного развития или, проще говоря, борьбой между империализмом и антиимпериализмом. В этой диалектике развитие социальных производственных возможностей является сутью антиимпериализма, тогда как отрицание такого развития является сутью империализма [Desai, 2013]. Эта диалектическая или историческая борьба между государствами касается и системы производства.

Империалистическому стремлению господствующих капиталистических государств монополизировать наиболее передовые формы производства и подчинить себе более слабые в производственном отношении общества противостоит антиимпериализм государств, которые являются подчиненными или которым грозит подчинение. Те из них, кто способен и желает этого, стремятся противостоять *взаимодополняемости*, присущей такой монополизации и подчинению, и развивать общественные производительные силы таким образом, чтобы достичь *сходства* производительных способностей. Именно так индустриализировались все те страны, которых называют «ныне развитыми странами» [Ha-Joon Chang, 2002]. Кроме того, и другие теоретики девелопменталистского государства – последователи Фридриха Листа [List, 1841/1856] – настаивают, что это единственный способ, по которому сегодняшние развивающиеся страны могут развиваться, а все страны могут поддерживать развитие [Amsden, 1992; Amsden, 2001; Amsden, 2007; Wade, 1990; Woo-Cumings, 1999].

При таком разделении труда и ноономика, и геополитическая экономия обычно противопоставляются доминирующему консенсусу в отношении экономической политики *неолиберализма*. Хотя в обширной, но все еще растущей в объеме литературе ведутся активные дискуссии о происхождении и значении этого термина, лучшим способом раскрыть его

природу является возрождение дискурса о свободном рынке конца XX века, корни которого лежат в неоклассической экономике, в частности, в ее жесткой австрийской версии.

Неоклассическая экономика изменила направление изучения материальной жизни, которое до того времени велось классической политической экономией. Со времен первых мыслителей – итальянца Антонио Серры или более поздних меркантилистов [Reinert, Daastøl, 2004; Wiles, 198; Keynes, 1936] – политическая экономия была сосредоточена на организации производства классами и государствами в исторически развивающихся обществах. «Экономикс» как наука, основанная маржиналистской революцией, решительно переключила внимание ученых на статичные рынки и отношения обмена, существующие только в «экономике», отделенной от остального «общества» [Clarke, 1991].

С возрождением рыночного мышления неолиберализм в целом пренебрег или, что еще хуже, исказил изучение производственных структур. В научных кругах, где доминирует неолиберализм, геополитическая экономия и ноономика с их акцентом на производстве, государстве и обществе, а также с глубокими связями с классической политической экономией, кульминацией которой стал Маркс [Desai, 2018], стали теоретическими и аналитическими изгоями в области – назовем ее изучением материальной жизни – где доминируют рыночные точки зрения (на основе свободного нерегулируемого рынка).

С политической точки зрения неолиберализм на протяжении более четырех десятилетий приводил к постоянному расширению и углублению маркетизации общественных отношений во всех частях мира, хотя в разной степени и разными способами. В развитых странах родоначальниками неолиберализма были такие англо-американские лидеры, как Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, где это направление, вероятно, зашло дальше всего [Desai, 2023]. Европа с ее более щедрыми государствами всеобщего благосостояния и более сильными девелопменталистскими государствами [Esping-Andersen, 1990; Hall, Soskice, 2001] неизбежно должна была проявить больше нежелания, и наднациональный институт Европейского союза оказался там главной «машиной либерализации» [Streeck, 2014].

Конец коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе привел к тому, что под власть неолиберализма попали огромные территории и значительное население. Развивающемуся миру из-за долгового кризиса навязали неолиберализм, в основном через печально известные Программы структурной перестройки (ПСП) Международного валютного фонда и Всемирного банка, хотя, несомненно, почти во всех из них, как и в других странах, имелась существенная поддержка неолиберализма среди богатых, которым он приносил непропорционально большую выгоду.

Под влиянием неолиберализма аргументы ноономики и геополитической экономии о том, что некое рациональное государственное управление общественными отношениями (некоторые могут назвать это социализмом) наиболее способствует развитию производительных сил, естественно, отошли на второй план. Однако ситуация начинает меняться по ряду причин.

Во-первых, внутри стран неолиберализм вызывает существенное сопротивление, учитывая, что он, как правило, приносит пользу все более узкой части населения. Если когда-то подобное противодействие ограничивалось развивающимся миром (вспоминаются «бунты МВФ», которые стали там обычным явлением в 1980-х гг., когда программы МВФ впервые начали сокращать популярные социальные программы, субсидии или государственные услуги), то сегодня его можно обнаружить в растущей волне оппозиции, обычно именуе-

мой «популистской», в самих центральных капиталистических странах. Такая оппозиция не только привела к власти политиков правого крыла, таких как Дональд Трамп или Борис Джонсон, но и пополняет ряды новых левых сил, таких как «Bundnis Sarah Wagenknecht» в Германии или «La France Insoumise». В бывшем коммунистическом мире также возникла необходимость пересмотреть неолиберализм после крайностей «шоковой терапии» в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе. В поиске альтернативной политики элементы ноономики и геополитической экономики обязательно найдут поддержку.

Во-вторых, на международном уровне подъем Китая с его плановой экономикой, строящей «социализм с китайской спецификой», и одновременный спад западных стран, страдающих от знакомых недугов неолиберализма – стагнирующего спроса из-за стремительно растущего неравенства, деиндустриализации и низких производственных капиталовложений из-за широко распространенного аутсорсинга и финансиализации, приводящих к регулярным финансовым кризисам, – побуждает ведущих политиков по всему миру искать альтернативы для развития более подходящей модели развития экономики.

Многополярный мир, в котором господство не может поддерживаться только посредством контроля над финансовыми системами, где производительные экономики все больше и больше становятся предметом соперничества, не может не стать толчком для теоретических парадигм, которые фокусируются на производстве, а не на обмене, таких как ноономика или геополитическая экономика.

Эта тенденция может только усилиться, поскольку последний аргумент в поддержку неолиберализма сталкивается с «практической критикой» исторических событий. Учитывая как протекали неолиберальные десятилетия, парадигму неолиберальной политики стало невозможно защищать от большинства критических замечаний – что она вела к стагнации заработной платы, ограниченному спросу, стремительному росту неравенства и даже низкому росту и инвестициям – стали выдвигаться аргументы в пользу того, что, несмотря на все свои недостатки, неолиберальные экономики или то, что называли «либеральными рыночными экономиками» (ЛРЭ) американского или британского образца, были лучше приспособлены для «радикальных инноваций», в то время как менее рыночные координированные рыночные экономики (КРЭ) континентальной Европы или Скандинавии могли внедрять только «инкрементальные инновации». Однако подобные аргументы [Acemoglu, Robinson, and Verdier, 2012] были опровергнуты другими, которые нашли достаточно доказательств «радикальных инноваций» в КРЭ [Maliranta, Mättänen, Vihriälä, 2012], а преимущества самой важной «радикальной инновации» нашего времени, «технологической революции» в области информационно-коммуникационных технологий, уже давно признаны недостаточными [Madrack, 1998; Gordon, 2012], и сегодня появляется все больше доказательств того, что плановая экономика социалистического Китая обгоняет Запад в технологическом плане.

Например, аналитический центр австралийского института стратегической политики (Australian Strategic Polity Institute, ASPI) недавно сообщил, что наши исследования показывают, что Китай заложил основу для позиционирования себя как ведущей мировой сверхдержавы в области науки и технологий, добившись порой ошеломляющего лидерства в прорывных исследованиях в большинстве критически важных и новых технологических областей. Глобальное лидерство Китая распространяется на 37 из 44 технологий, которые в настоящее время отслеживает ASPI, охватывая ряд важнейших технологических областей, включая оборону, космонавтику, робототехнику, энергетику, экологию, биотехнологию,

искусственный интеллект (ИИ), передовые материалы и ключевые области квантовых технологий. ... Все 10 ведущих мировых научно-исследовательских институтов базируются в Китае и в совокупности создают в девять раз больше прорывных исследовательских работ, чем страна, занимающая второе место (чаще всего США). Примечательно, что Китайская академия наук занимает высокие места (а часто и первые, и вторые) по многим из 44 технологий [Gaida et al, 2023].

Хотя авторы доклада сетуют на то, что «усилия Китая подкрепляются за счет импорта перспективных кадров и знаний: пятая часть его прорывных работ написана исследователями, получившими последипломное образование в странах альянса «Пять глаз»¹, как правило, самых неолиберальных, в отчете также отмечается, что «лидерство Китая является результатом целенаправленного проектирования и долгосрочного планирования политики (курсив – Р. Десаи), как неоднократно подчеркивали Си Цзиньпин и его предшественники» [Gaida et al, 2023].

В данной статье автор предполагает, что события на внутреннем, международном и технологическом фронтах не только приближают час ноономики и геополитической экономии, но что они и родственные им перспективы будут привлекать все больше внимания, учитывая, что исторические события последних десятилетий подтверждают их отличительные тезисы и аргументы; этот процесс будет тем более простым, что рыночная точка зрения никогда не была настолько доминирующей, как можно было бы себе представить, что неудивительно, учитывая, что ее способность объяснять реальность и формулировать эффективную политику была скомпрометирована с самого начала.

Истоки неолиберализма в маргиналистской контрреволюции

Рыночное понимание экономики неолиберализмом основано на неоклассической экономике. Она возникла в ходе маргиналистской революции 1870 г., хотя ее правильнее было бы назвать контрреволюцией, поскольку она отбросила, а не продвинула наше понимание капиталистической организации материальной жизни, которую пыталась развить классическая политическая экономия, и которую так радикально продвинул Маркс.

Появившаяся всего через три года после публикации первого тома «Капитала», она, по сути, стала законным наследником того, что Маркс называл «вульгарной политической экономией». Как и в последнем случае, ее акцент на рынках проистекал из того, что вместе с Марксом мы можем назвать «фетишизмом» [Marx, 1867/1971] или «стихийной идеологией» [Althusser, 2012] класса капиталистов. В обоих значениях это нечто, возникающее из повседневной практики капиталистов, строящих свои отношения друг с другом и со своими рабочими, отношения, которые они не контролируют, но которые дают им привилегии. С одной стороны, капиталист не может сосредоточиться на сфере производства, где рабочий осуществляет производство под его железной дисциплиной, и которая является полной противоположностью «Эдему прирожденных прав человека, ... где господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам» [Marx, 1867/1971], т.е. рынку.

С другой стороны, превознесение способности рынка координировать производство миллионов производителей становится центральным фактором, позволяющим избежать

¹ «Пять глаз» – это название альянса пяти англоговорящих развитых стран (Австралии, Канады, Новой Зеландии, Соединенного Королевства и США) для обеспечения технологического сотрудничества в военной области, области разведки, вычислительной техники и связи (Прим. ред.).

вмешательства государства, которое, с ростом организованности трудящихся, было на грани выхода из-под исключительного контроля класса капиталистов. В конце девятнадцатого века, с появлением различных течений рикардианского социализма, которые использовали научное утверждение Рикардо о том, что вся стоимость создается трудом [Marx, 1847/1962; Hunt, 1980; Burkitt, 1984], чтобы продвигать дело социализма, а затем с появлением Маркса и Энгельса, выдвинувших самое убийственное обвинение капитализму, просто разрешив нерешенные вопросы классической политической экономии [Desai, 2018], классическая политическая экономия исчерпала всю свою полезность для оправдания капитализма. Требовался новый дискурс, и он появился: неоклассическая экономика. Тот факт, что этот дискурс появился более или менее одновременно в работах трех не связанных между собой личностей – Стэнли Джевонса, Карла Менгера и Леона Вальраса, усиливает впечатление, что он возник из «фетишистского характера товара» или из стихийной идеологии класса капиталистов.

Рыночное мышление было систематизировано в неоклассической экономике, результатом чего стал подход к изучению материальной жизни, который в некоторых ключевых отношениях отличался от классической политической экономии.

В то время как классическая политическая экономия была сосредоточена на производстве (не пренебрегая обменом), неоклассическая экономика сосредоточилась только на обмене, утверждая, что ее основы лежат в выражении потребителями своих предпочтений среди объектов различной «полезности».

Убежденность классической политической экономии в том, что капитализм направлен на производство стоимости – столь же неосознанной, сколь и реальной, – которая возникает из труда и величина которой определяется конкуренцией, снижающей цены до стоимости воплощенного общественно необходимого труда, полностью игнорировалась неоклассической экономикой. Вместо объективной ценности субъективное удовлетворение, которое товары давали индивидуумам, определяло спрос, а цены формировались путем его взаимодействия с предложением.

Неоклассическая экономика перешла от Маркса к Рикардо – не к тому Рикардо, который настаивал на трудовом происхождении стоимости, а к Рикардо, который принял закон Сэя и придумал сравнительные преимущества. Принятие закона Сэя означало, что неоклассическая экономика отрицала противоречия и кризисные тенденции капитализма, будь то в вальрасовских представлениях о равновесии или в более жестком австрийском утверждении о том, что результаты капитализма не могут быть улучшены [Anderson, 1992, pp. 275-276].

Это также привело неоклассическую экономику к пониманию обмена как бартера, на что указывали Маркс [Marx, 1867/1971] и Кейнс [Keynes, 1936], оставляя без внимания независимую роль денег в капиталистическом обществе.

Сравнительное преимущество было международным аналогом закона Сэя: утверждая, что свободная торговля приносит пользу всем странам, оно скрывало международную напряженность, которая возникала, когда могущественные капиталистические страны стремились экстернализовать последствия капиталистических противоречий, например, экспортируя излишки своей продукции на колониальные или иным образом незащищенные рынки и подрывая там перспективы промышленного развития. В совокупности закон Сэя и сравнительные преимущества отрицали существенную связь между противоречиями капитализма и его экспансионизмом или империализмом [Desai, 2013].

Классическая политическая экономия анализировала капиталистическое общество. Неоклассическая экономика отделила от него нечто под названием «экономика». Макс Вебер обосновывал это, утверждая, что современность разделила различные сферы социального действия и каждая из них требует отдельного изучения. Вокруг этого возникло более широкое социальное научное разделение труда с его различными дисциплинами, изучающими отдельные сферы общества, известные нам сегодня. Однако Вебер, изначально получивший экономическое образование и выступавший в качестве сторонника неоклассической экономической теории против немецкого историзма в «Споре о методах», прежде всего интересовался автономией экономики. Как отметил Саймон Кларк в своем исследовании марксизма и маржинализма, она занимала «особенно привилегированное положение»: «Как бы ни были исторически локализованы институты, абстрактно теоретизированные экономической теорией... они также оставались сверхисторическими проявлениями разума и, следовательно, универсальными основами общества, характеризующегося формальной рациональностью, капитализмом» [Clarke, 1991].

Исторический подход классической политической экономии был заменен неисторическим. Концепция капитализма у Маркса была вдвойне исторической. Во-первых, утверждалось, что капитализм не вечный, а представляет собой исторически определенный способ производства. Во-вторых, будучи противоречивым и, следовательно, изначально изменчивым и нестабильным, он исторически динамичный, а его противоречия в конечном счете приведут к гибели капиталистической системы. Отрицая исторические изменения, как это обычно делает неоклассическая экономика, а вместе с ней и социальные науки (что подтверждается повсеместным использованием в них настоящего времени – партии делают то, безработица делает то, как будто вещи никогда не меняются в пространстве и времени), они не могут понять ни капитализм, ни его революционную историческую динамику [Desai, 2017].

Неоклассическая экономика оправдывала капитализм во имя свободного рынка и конкуренции именно тогда, когда капитализм подходил к концу своей ранней конкурентной фазы и вступал в эпоху монополии, в момент, когда, как давно указал Маркс, капитализм исчерпает свою историческую полезность и необходимость. Это заставило экономистов-неоклассиков прибегнуть к интеллектуальным ухищрениям. Возьмем Фридриха Хайека: с одной стороны, его «Дорога к рабству» должна была перенести аргументацию с принципа «невмешательства» на принцип «планирования конкуренции» по образцу антимонопольного законодательства США начала двадцатого века, которое было направлено на сохранение хотя бы минимальной конкуренции в эпоху монополии путем разрушения монопольных позиций. С другой стороны, Хайек интуитивно предположил (как мы увидим позже – справедливо), что это уже слишком большая уступка, если целью является оправдание капитализма. Таким образом, он также утверждал, что монополия не является неизбежной, опираясь на обрывочные доказательства, представленные Временным национальным экономическим комитетом Конгресса США, когда монополия была очевидна повсюду, и утверждал, что конкуренция заставляет рынки подавать правильные ценовые сигналы в сложной экономике, тогда как монополия делает наоборот. Ему также пришлось признать, что, по крайней мере в краткосрочной перспективе, оптимальное использование технологий может потребовать подавления конкуренции [Hayek, 1944, pp. 32-39].

Поэтому крайне важно понимать, что когда неолиберализм использует риторику свободных рынков и свободной торговли, эта риторика обеспечивает лишь прикрытие для

продвижения интересов гигантских монополистических корпораций [Crouch, 2011]. Именно поэтому, когда за долгие десятилетия своего существования неолиберализму приходилось много раз менять форму, в ходе которых он шел на компромиссы в отношении своих позиций по поводу свободного рынка и свободной торговли, он никогда не шел на компромисс в вопросе защиты и продвижения интересов крупных монополистических корпораций (см. ниже).

Хотя неоклассическая экономика стремилась вытеснить все другие традиции изучения материальной жизни, ей это так и не удалось. В своем обзоре истории экономической мысли Эрик Райнерт выделяет из канона мейнстрима крайне идеологизированный, рыночный подход, основанный на таких метафорах, как равновесие или «невидимая рука», и «другой» канон, который «основан на опыте, выстроен с нуля и часто проявляется в виде практической политики, прежде чем превратиться в теорию». Начиная, по крайней мере, с венецианца Антонио Серры, через Гамильтона, Листа, меркантилистов, Маркса, Кейнса и других критиков неоклассической экономики вплоть до сегодняшних теоретиков девелопменталистского государства.

Хотя Райнерт выполняет большую работу, картографируя критические, исторические, эмпирические и ориентированные на производство традиции, я утверждала в своей книге «Геополитическая экономия» и в других работах, что ограничение этих традиций маргинальным «другим» каноном означает слишком большую уступку рыночной экономике. В действительности господство неоклассической экономики было далеко не окончательным, наступило на удивление недавно и, учитывая ее нынешний упадок, оказалось, что оно было довольно недолгим.

Трудный путь неолиберализма к господству

Несмотря на то, что «экономикс» начали преподавать по всей Европе почти сразу после ее зарождения, и она начала подрывать марксизм, поскольку все больше марксистов вместо того, чтобы бороться с этим сознательным теоретическим противником, начали проводить по отношению к нему то, что Бухарин назвал «политикой теоретического примирения» [Bukharin, 1914/1972; Kindersley, 1962; о результатах этой политики см.: Desai, 2020], неоклассическая экономика не смогла легко завоевать эту нишу из-за сохраняющегося влияния классической политической экономии и связанной с ней исторической школы. Она также не могла влиять на осуществление экономической политики. Как бы там ни было, конец XIX века был временем соперничества протекционистских промышленных капиталистических держав, управляемых государством, которые к тому же были империалистическими. Такая эпоха государств, активно вмешивающихся как во внутренние, так и в мировые рынки, не стала благоприятной почвой для прорастания семян политики свободного рынка.

Не стали исключением и последующие десятилетия «Тридцатилетнего кризиса» 1914–1945 гг. Две мировые войны и Великая депрессия, пожалуй, стали еще большим препятствием на пути процветания свободного рыночного мышления. Войны сами по себе были лабораториями планирования. Более того, интеллектуалы того времени с болью осознавали, что политика «свободной торговли» не привела, как неоднократно предсказывали либералы-панглоссианцы вроде Нормана Эйнджелла, к исчезновению войны и, следовательно, к миру [Agnell, 1912], а скорее вела к войне. Ряд работ Кейнса начинаются с отказа

от этой точки зрения, а затем продолжают настаивать, как, например, в «Национальной самодостаточности» на том, что он симпатизирует скорее тем, кто хотел бы минимизировать, чем тем, кто хотел бы максимизировать экономическую запутанность между странами. Идеи, знания, наука, гостеприимство, путешествия – это те вещи, которые по своей природе должны быть международными. Но пусть товары будут отечественными, когда это разумно и удобно, и, прежде всего, пусть финансы будут в первую очередь национальными [Keynes, 1933].

Действительно, дела маркетологов обстояли настолько плохо, что вершиной развития неоклассической экономики в эту эпоху по иронии судьбы стало ее применение в т.н. дебатах о социалистических расчетах. В то время как неоклассическая экономическая теория в ее австрийской форме упорно придерживается принципа свободного рынка, вальрасовской «равновесной» формы, поскольку она понимает «экономику» как «систему удовлетворения человеческих потребностей» [Clarke, 1991], в то время как она совершенно не в состоянии понять капитализм, который является чем угодно, но только не системой удовлетворения человеческих потребностей, довольно хорошо подходит для разработки способов организации социалистической экономики, которая как раз и является такой системой. Именно поэтому для разработки эффективных методов планирования и ценообразования в социалистических экономиках была использована своего рода неоклассическая экономика. Это был также период, когда величайший вызов неоклассической экономике был брошен в форме выдающегося труда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936).

Хотя кейнсианские идеи уже набирали популярность в 1930-х, их время наступило в конце Второй мировой войны с появлением кейнсианских государств всеобщего благосостояния с их жесткой интервенцией, проводивших политику полной занятости, регулирования промышленности, корпоративизма, национализации ключевых отраслей промышленности, государственного предоставления медицинских услуг, образования, жилья и других услуг, не говоря уже о сдерживании развития финансовой сферы. Они реформировали капиталистические системы на родине капитализма способами, которые широко считались социалистическими, что также привело к активным дискуссиям между Востоком и Западом в рамках холодной войны о том, как «сближаются» основные капиталистические и коммунистические экономики [Galbraith, Menshikov, 1988, Цаголов, 2017].

В условиях господства коммунизма от Праги до Пхеньяна и стремления новых независимых стран вырваться из ловушки нищеты, в которую их загнал колониализм посредством политики государственного вмешательства, преследующей национальное автономное развитие, методы и цели которого во многом напоминали методы и цели Советского Союза и Китайской Народной Республики, в послевоенные десятилетия вплоть до 1980 г. свободное рыночное мышление было маргинальным, вело сектантское существование и выживало только благодаря усилиям общества «Mont Pelerin», созданного Фридрихом Хайеком и небольшой группой сторонников свободного рынка в конце Второй мировой войны [Desai, 1994].

Только когда капиталистические системы Запада, выжившие в условиях социалистических реформ послевоенного периода, в 1970-х столкнулись с кризисом, сопровождавшимся беспрецедентным сочетанием инфляции и стагнации или «стагфляции», и поколебали общее мнение против свободных рынков и свободной торговли, неолиберализм получил свой шанс. Крупнейшие капиталистические страны оказались перед сложным выбором: углублять

социалистические реформы, государственную собственность и инициативу, а также инвестировать в продолжающий расти Третий мир для расширения спроса и поддержания роста или, как рекомендовали неолибералы в своих аналитических центрах, финансируемых капиталом, и некоторые политики, уже принявшие новые убеждения [Desai, 1994; Cockett, 1995], снять послевоенные ограничения на капитал, которые теперь обвиняют в замедлении роста, внутри страны и начать кампанию за их отмену за рубежом. Первые отдавали предпочтение трудящимся во всем мире, в то время как вторые отдавали предпочтение капиталу и его компрадорским союзникам в странах третьего мира. Капитал победил. Хотя плотность профсоюзов и политическая сила исторических партий труда и левых были на исторически высоком уровне благодаря уже упомянутым интеллектуальным компромиссам и политическим компромиссам, которые ориентировали их на реформы уже в начале двадцатого века, западные левые были интеллектуально слишком слабы, чтобы представить жизнеспособные альтернативы. В послевоенные десятилетия некоммунистические рабочие партии и организации в крупнейших капиталистических странах «не имели собственной экономической политики» и сосредоточились только на «улучшении условий жизни своих рабочих электоратов» посредством опоры «на сильную капиталистическую экономику, создающую богатство для финансирования своих целей».

На фоне слабости левых интеллектуалов и политиков триумф неолиберализма часто изображается как интеллектуальная победа. Конечно, долгая интеллектуальная капитуляция левых, корни которой мы прослеживаем в триумфе реформизма и империализма на интеллектуальных путях, определенных капитуляцией марксизма перед неоклассической экономикой, сыграла свою роль в создании этого впечатления. Однако, несмотря на это, политическая победа неолиберализма была всего лишь случаем того, что неоклассическая экономика наконец-то наступила, когда капиталистический мир исчерпал весь свой запас идей.

Неудивительно, что экономические результаты неолиберализма оказались плачевными. Неолиберализм был представлен как решение многогранного кризиса, в который погрузились капиталистические страны в 1970-х гг. Однако вместо того, чтобы решить эту проблему, она лишь продлилась [Brenner, 1998], ввергнув эти экономики в пучину медленного роста, низких инвестиций, финансиализации, безработицы, неравенства и, в довершение всего, инфляции [Desai, 2022; Desai, 2024]. Это было, конечно, неизбежно, поскольку главным образом из-за своего базового обмана в отношении монополии неолиберальная политика освобождения капитала могла лишь продвигать интересы непродуктивной монополии и все более финансиализированного капитализма, а не создавать какой-либо вид конкурентного и энергичного капитализма [Desai, 1994].

Практически единственная причина, по которой неолиберальная политическая парадигма господствовала так долго, заключается в том, что на раннем этапе своего развития она завоевала лидерство в исторических партиях рабочего класса. Это означало поражение, иногда в изнурительной и затяжной борьбе, которая, как в случае с Лейбористской партией Великобритании, длилась десятилетиями, от поражения левых беннитов в 1980-х до поражения левых сторонников Корбина в 2010-х гг. Это потребовало от руководства этих партий принятия политической парадигмы, которая прямо противоречила интересам ее членов и, неизбежно, должна была быть в чем-то ущемлена, но не ставила под угрозу суть партии. В целом риторика свободного рынка и конкуренции, а также продвижение интересов

крупных монополий и финансиализированных корпораций остались неизменными. Такой переворот, противоречащий основным интересам и культуре трудящихся во всех странах, стал возможен только потому, что эти партии, как и все другие основные партии, больше не были укоренены в своих признанных социальных базах – рабочем классе для исторических партий и капиталистическом классе, от малого до большого, для консервативных и либеральных партий. Вместо этого парламентские и руководящие группы этих партий теперь почти полностью состояли из т.н. «класса профессиональных управленцев» (КПУ), оторванного от своей социальной базы [Mair, 2006; Mair, 2013]. Первоначально этот термин был определен Джоном и Барбарой Эренрейх (1979), и он имел положительную коннотацию, связывая его со старым термином «интеллигенция» и обозначая традиционно левую группу, которая, как правило, работала в государственных и негосударственных учреждениях за пределами корпоративной сферы. Однако с тех пор он значительно расширился, особенно в западных обществах, где в него также вошла значительная часть КПУ культурных, академических и производственных структур подчиненных стран.

В 1989 г. Гарольд Перкин все еще мог разделить этот класс на два класса: те, кто работал в государственных и неправительственных организациях, придерживались левых взглядов и отождествляли себя с историческими партиями рабочего класса, как когда-то делала интеллигенция, в то время как те, кто работал на значительно разросшуюся корпоративную бюрократию, ассимилировались в политике правых партий. Однако к следующему десятилетию стало ясно, что классовая идентичность перевешивает это секторальное и политическое разделение, и одним из главных способов ее утверждения стала способность руководства КПУ исторических партий рабочего класса склонять свои партии к неолиберализму. С тех пор межпартийный консенсус по вопросу неолиберализма стал одним из постоянных элементов политического подъема в неолиберальную эпоху.

Метаморфоза концепта «неолиберализм»

Неудачи неолиберализма привели к тому, что ему приходилось менять форму примерно раз в десятилетие, каждый раз пробуя новое решение, чтобы сохранить хоть какой-то авторитет, не теряя при этом своей сути, которая заключалась в использовании риторики свободных рынков и конкуренции для продвижения интересов крупных монополистических компаний, финансовых и (финансиализированных) нефинансовых корпораций. Вероятно, эти режимы воображали, что смогут восстановить производительный динамизм капитализма, увеличив свободы капитала и подвергнув нападкам труд. Однако такие меры лишь ускорили как деиндустриализацию экономик США и Великобритании, их финансиализацию.

В последующее десятилетие неолиберализм трансформировался в «глобализацию». Хотя у этого понятия множество значений, помимо исторически неточных представлений о том, что была создана или быстро материализуется полностью интегрированная мировая экономика, существуют и некоторые исторически значимые. Во-первых, с распадом Советского Союза и восточноевропейского коммунизма, а также с превращением Китая в подчиненный капитализм, капитализм стал «глобальным». Другая причина заключалась в том, что с окончанием холодной войны и заменой геополитики тем, что консервативный американский эксперт назвал «геоэкономикой» [Luttwak, 1990], государствам пришлось вмешиваться в экономику, по крайней мере в ограниченной степени в целях сохранения «конкурентоспособности».

Однако с точки зрения неолиберальной трансформации, «глобализация» имеет еще одно критически важное значение. Это относится к тому, как лидеры исторических партий западного рабочего класса пришли к согласию с неолиберализмом. Поскольку их социальная база не позволяла им широко превозносить достоинства рынков, политики «третьего пути», такие как Клинтон и Блэр, сочли глобализацию идеологически удобной. Они могли говорить своим избирателям, состоящим преимущественно из рабочего класса, что, хотя они и стремятся повысить заработную плату, улучшить условия труда или увеличить корпоративное налогообложение и регулирование, но, к сожалению, их руки связаны. Неудержимая мощь глобализации потребовала сокращения социальных расходов и преобразования рынка труда в условиях ослабления профсоюзов и снижения стоимости рабочей силы.

Президент Джордж Буш-младший, с его явной антипатией к «глобализации» как слишком многосторонней и склонной к односторонности «империи», открыл третью фазу неолиберализма – фазу «империи США» [Desai, 2013]. Администрация Клинтона возглавила кампанию по отмене контроля за движением капитала в других странах, что напрямую привело к Восточноазиатскому финансовому кризису 1997-1999 гг. После этого пузыри, которые надул все более финансиализированный западный мир, были обнаружены в США. Пузырь на фондовом рынке лопнул в 2000 г., а пузыри на рынке жилья и кредитования – в 2008 г., ознаменовав новую фазу неолиберализма – политику жесткой экономии с еще более медленным ростом, более или менее полным крахом производительных инвестиций и еще большим неравномерным распределением доходов, поскольку деятельность была сосредоточена в сфере финансов, а не производства. Ослабленная экономика уже была на пути к краху когда разразилась пандемия, и после нее мы можем наблюдать зарождение новой фазы неолиберализма, которую я назвала «псевдогражданским неолиберализмом».

При нем крупные монопольные корпорации будут производить запатентованную продукцию по завышенным ценам для правительств, которые теперь, когда четыре десятилетия неолиберализма и его давление на доходы рабочего класса, мелких и крестьянских производителей практически не оставили места для более широкого рынка, по крайней мере, для капитализма западных метрополий, превратились из «потребителя последней инстанции» в главного потребителя. Правительства будут распределять эти товары «бесплатно» среди своих граждан, хотя на самом деле они заплатят за это своими резко регрессивными налогами. Естественно, эти продукты должны быть обоснованы как необходимые, часто, как в случае с лекарствами или вакцинами, жизненно необходимые, тогда как в действительности их ценность может быть сомнительной, если не прямо разрушительной. В этом сценарии финансовый капитал может рассчитывать на получение прибыли от кредитования правительств, что позволит им покупать эти дорогостоящие продукты у производительных корпораций, получая при этом надежные проценты, выплачиваемые за счет налогов. Те, кто думал, что уже увидели вершины лицемерия неолиберализма, станут свидетелями покорения им новых высот.

Естественно, такие экономические показатели только ускорили смещение мирового центра притяжения от изначальной, в основном западной, родины капитализма к Китаю и другим развивающимся странам, где неолиберализм либо не применялся, либо был отвергнут после того, как были прочувствованы его первоначальные ужасающие последствия, либо принят лишь в измененной форме. Экономическая политика этих стран в той мере, в какой она успешна, ближе к ноономике и геополитической экономии, а также другим

производственно-ориентированным традициям представления и осуществления политики, таким как концепция национальных инновационных систем [Freeman C., 1995], или которые связаны с творчеством и интеллектуальными продуктами [Freeman A., 1995], чем к рыночной неоклассической экономике.

Заключение

Таким образом, учитывая внутреннее и международное противодействие неолиберальному рыночному мышлению, и тот факт, что неолиберализм сейчас, как можно видеть, терпит неудачу даже в своем последнем оплоте, а именно в предположительном содействии радикальным инновациям, поворот к производственно-ориентированным подходам, таким как ноономика и геополитическая экономия, может только ускориться, и это произойдет.

Главным препятствием, с которым столкнется это изменение, станет власть корпоративного капиталистического класса и КПУ, при этом преданность последнего неолиберализму уступает только преданности корпоративного капиталистического класса, и его помощь последнему имеет решающее значение для сохранения власти неолиберализма. Преодоление этого сопротивления потребует создания нового слоя интеллектуалов, способных объединиться с народными массами, заинтересованными на развитии знаниеинтенсивного материального производства.

Список источников / References

- Bodrunov S., Desai R., Freeman A. (2021). *Beyond the Global Crisis: Noonomy, Creativity, Geopolitical Economy* / Ed. by S. Bodrunov. SPb: INID, 296 p.
- Tsagolov G.N. (2017). Galbraith's Revolution and Development of the Convergence Theory. In: *Galbraith Restored*; S. Bodrunov (Ed.). Moscow: Kul'turnaya revoliutsiya. Pp. 82-113.
- Acemoglu D., Robinson J.A., Verdier T. (2012). *Can't We All Be More Like Scandinavians? Asymmetric Growth and Institutions in an Interdependent World*. NBER Working Paper. No 18441 (October). 49 p.
- Agnell N. (1912). *The Great Illusion*. London: Putnam and Sons.
- Althusser L. (2012). *Philosophy and the Spontaneous Philosophy of Scientists* / Translated and Edited by Gregory Elliott. London: Verso.
- Anderson P. (1992). *English Questions*. London: Verso.
- Amsden A.H. (2007). *Escape from Empire: The Developing World's Journey Through Heaven and Hell*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Amsden A.H. (2001). *The Rise of "the Rest": Challenges to the West from Late-Industrializing Economies*. Oxford: Oxford University Press.
- Amsden A.H. (1992). *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. New York: Oxford University Press.
- Bodrunov S. (2023). *Noonomy: The Trajectory of Global Transformation*. Brookline, Mass.: Academic Studies Press.
- Brenner R. (1998). The Economics of Global Turbulence. *New Left Review*. Vol. I/229 (May-June). Pp. 1-265.
- Burkitt B. (1984). *The Ricardian Socialists. Radical Political Economy*. New York: New York University Press. Pp. 19-35.

- Bukharin N. (1914/1972). *The Economic Theory of the Leisure Class*. New York: Monthly Review Press.
- Chang Ha-Joon (2002). *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem.
- Clarke S. (1991). *Marx, Marginalism and Modern Sociology: From Adam Smith to Max Weber*. 2nd ed. Basingstoke: Macmillan Academic and Professional.
- Cockett R. (1995). *Thinking the unthinkable*. London: Fontana.
- Crouch C. (2011). *The Strange Non-Death of Neoliberalism*. Oxford: Polity.
- Desai R. (2022). Noonomy and Geopolitical Economy: Natural Allies. In: *Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences. Technology and Socio-economic Progress: Traps and Opportunities for the Future*. S.D. Bodrunov (ed). Boston: Brill. Pp. 175-188.
- Desai R. (2020). Marx's Critical Political Economy, "Marxist Economics" and Actually Occurring Revolutions against Capitalism. Special Issue of *Third World Quarterly* / on Revolutions edited by Radhika Desai and Henry Heller. Vol 41. Issue 8. Pp. 1353-1370.
- Desai R. (2018). Political Economy. Entry for the Bloomsbury Companion to Marx / edited by Jeff Diamanti, Andrew Pendakis and Imre Szeman. London: Bloomsbury.
- Desai R. (2017). Capital at 150. *Red Pepper*. September. Pp. 48-49.
- Desai R. (2013). *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. Future of World Capitalism series. London: Pluto Press, 2013.
- Desai R. (1994). Second-Hand Dealers in Ideas: Think-Tanks and Thatcherite Hegemony. In: *New Left Review*. No 203 (January-February). Pp. 27-64.
- Ehrenreich J., Ehrenreich B., Walker P. (1979). *Between Labor and Capital*. 1st ed. Boston: South End Press.
- Esping-Andersen G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. New Jersey: Princeton University Press.
- Freeman A. (2020). Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production. *Science and Society*. Published Online: September 2020 <https://doi.org/10.1521/siso.2020.84.4.458>
- Freeman C. (1995). The National System of Innovation in Historical Perspective. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 19. Issue 1 (February). Pp. 5-24. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cje.a035309>
- Gaida J. et al (2023). *ASPI's Critical Technology Tracker: The Global Race for Future Power*. Canberra: Australian Strategic Policy Institute.
- Galbraith J.K., Menshikov S. (1988). *Capitalism, Communism and Coexistence*. London: Hamish Hamilton.
- Gordon R. (2012). *Is US Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts Six Headwinds*. Center for Economic Policy Research.
- Hall P., Soskice D. (2001). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Harold P. (1989). *The Rise of Professional Society*. Routledge, London.
- Hayek F.A. von (1944). *The Road to Serfdom*. London: George Routledge and Sons.
- Hunt E.K. (1980). The Relation of the Ricardian Socialists to Ricardo and Marx. *Science & Society*. Vol. 44 (2). Pp. 170-198.
- Keynes J.M. (1933). *National Self Sufficiency*. Yale Review. New Statesman and Nation.

- Keynes J.M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Notes on Mercantilism. Sections I-IV of Chapter 23.
- Kindersley R. (1962). *The First Russian Revisionists: A Study of "Legal Marxism" in Russia*. Oxford: Clarendon Press.
- List F. (1841/1856). *National System of Political Economy*. Philadelphia: J.B. Lippincott and Co.
- Luttwak E. (1990). From Geopolitics to Geoeconomics. *The National Interest*. Vol. 20 (Summer). Pp. 17-23.
- Madrack J. (1998). *Computers: Waiting for the Revolution*. New York Review of Books March 26.
- Mair P. (2013). *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso.
- Mair P. (2006). Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy. *New Left Review*. Vol. II/42 (November-December).
- Maliranta M., Mättänen N., Vihriälä V. (2012). Are the Nordic countries really less innovative than the US? VoxEU.Org.
- Marglin S., Schor Ju. (1990). *The Golden Age of Capitalism: Reinterpreting the Postwar Experience*. Oxford: Oxford University Press.
- Marx K. (1962/1847). *The Poverty of Philosophy*. Moscow: Foreign Languages Publishing House.
- Marx K. (1894/1981). *Capital*. Vol. III. London: Penguin.
- Marx K. (1867/1971). *Capital*. Vol. I. London: Penguin.
- Mayer A.J. (1981). *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. New York: Pantheon Books.
- Reinert E., Daastøl A. (2004). The Other Canon. In: *Globalization, Economic Development and Inequality*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Quinn S. (2018). *Globalists: The End of Empire and the Birth of Neoliberalism*. Cambridge: Harvard University Press.
- Streeck W. (2014). *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. London: Verso.
- Wade R. (1990). *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton, N.J: Princeton University Press.
- Weber M. (2004). Intermediate Reflection on the Economic Ethics of the World Religions. In: *The Essential Weber. A reader*. Sam Whimster (ed.). London: Routledge. Pp. 215-244.
- Wiles R.C. (1987). The Development of Mercantilist Economic Thought. In: *Pre-Classical Economic Thought*. S.T. Lowry (ed.). Kluwer Academic Publishers, Boston-Dordrecht, Lancaster.
- Woo-Cumings M. (1999). *The Developmental State*. Ithaca, N.Y: Cornell University Press.

Информация об авторе

Радика Десаи

Профессор Университета Манитобы (66 Chancellors Cir, Виннипег, MB R3T 2N2, Канада), визит-профессор Лондонской школы экономики и политических наук

E-mail: radhika.desai@umanitoba.ca

Information about the author

Radhika Desai

Professor University of Manitoba (66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada), Visiting Professor at the London School of Economics

E-mail: radhika.desai@umanitoba.ca